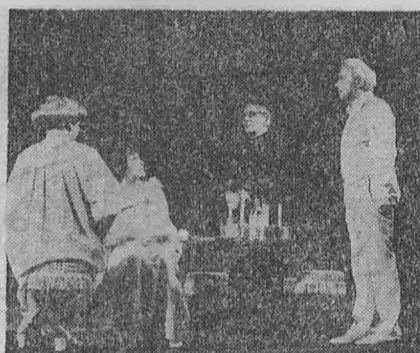

разговор после спектакля

ГОРИЗОНТЫ ТЕАТРА

ИТОГИ ГАСТРОЛЕЙ ГОРЬКОВСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ им. ГОРЬКОГО

ГАСТРОЛЬНАЯ афиша Горьковского театра драмы встретила краснодарцев драматургией самого высокого качества: Шекспир и Островский, инсценировка Н. Думбадзе и драма В. Розова, пьеса современной венгерской писательницы и драматурга М. Гашпар / «Клерон» и новая для советского зрителя пьеса Т. Уильямса «Кошка на раскаленной крыше». Мы можем говорить и об актуальности такого выбора, он дает понять, что в центре внимания театра — проблемы нравственные. Позиция театра, способ восприятия и переживания им жизни определен, как у всякого большого театра, уже выбором репертуара и не приходится поэтому спорить о том, что театр стоит на защите духовности общества. Важно отметить здесь его социальный и человеческий оптимизм.

Большое и сложное содержание произведений, по которым созданы спектакли, обязало коллектив театра проявить максимум мастерства «на всех участках» его деятельности: в актерской игре, в сценографии, музыкальном оформлении, режиссуре.

Театр привез спектакли режиссеров по своему почерку настолько различных, что поначалу сложно говорить о едином творческом его лице. Но, может быть, в том, что театр не боится стиливого многообразия, и заключается одна из причин его жизнеспособности и долготелетия! Что же объединяет сегодня в театре нынешнего главного режиссера А. Кошелева с его склонностью к поэтической символике, режиссеров С. Лермана, которому, наверное, более присущи элементы метафоричной, гротескной подачи материала и И. Сермягина с его тягой к насыщенным глубоким психологизмом постановкам.

На наш взгляд, этих режиссеров роднит активный поиск современного, оригинального театрального решения.

Режиссер С. Лерман ставит «Укрощение строптивой» с интродукцией, и вся комедия сразу становится представлением оригинальным, необычным.

«Театр в театре» и соответствующий этому принципу буфонный, гротескный характер представления, таким образом, получает законное обоснование. Художник А. Славин по существу реставрирует на сцене шекспировский театр. Аркады, своды, окна стилизованного лондонского «Глобуса» выстроены с точным ощущением эпохи, времени. Праздничная насыщенность, характерная для ренессансной живописи, чувственно ощущается в спектакле, создается художником только с помощью цвета: это, например, пламенеющий, «строптивый», полный жара, красный цвет декораций и костюмов Петруччио и Катерины.

Надо сказать, что в Горьковском театре благодаря сценографии в немалой степени определяется успех постановок. В «Законе вечности» мы увидели работы Т. Мурванидзе и Э. Зурабишвили, сценография

которых тяготеет к многозначной и емкой образности. Художники ассоциативно вызывают зрительный зал на размышление.

Оригинальным художником проявил себя тот же А. Славин и в «Похождениях Бальзамина». Картина Замоскворечья, где тянется жизнь Миши Бальзамина, преподносится зрителю во всем блеске театральной условности.

Возвращаясь к режиссуре Горьковского театра, следует отметить ее целенаправленность, живое, творческое отношение к драматургическому материалу, стремление самостоятельно освоить самые трудные идеи, конфликты и характеры выбранных пьес.

Примером такой непростой творческой работы может, наверное, служить постановка пьесы Уильямса «Кошка на раскаленной крыше» И. Сермягиным. В творчестве Уильямса

(в его некоторых пьесах и этой в том числе), связанным с психологией фрейдизма, предстает мир животной жестокости, разрушительных страстей. Подсознание классического психоанализа определяет поступки, «комплексы» героев, которые с точки зрения общепринятых нравственных представлений нормальными назвать нельзя. На этом построена история Брика (А. Алашеев) — героя «Кошки на раскаленной крыше».

Отброшено все то, что раньше составляло смысл и интерес его жизни: футбол, любимая женщина, отец, возможность стать хозяином богатых плантаций. Пристрастие к алкоголю начинает определять для него единственно возможную форму бытия. Пить Брик начинает после смерти Скипера, друга с которым была единственной настоящим событием в его жизни. Тема вустай-

дерства, душевного изгойства и неприкаянности, связанная с образом Брика, получает наибольшее развитие в этом спектакле. В нем тоска по юности, наполненной возвышенными мотивами, верой в справедливость, тягой к прекрасному. Но рано или поздно героям Уильямса, как Орфею, приходится спускаться в ад буржуазной действительности. Здесь амстечты — гипертрофированный рационализм среднего обывателя с его склонностью к ортодоксальному мышлению, эмоциональной и духовной ограниченностью, злобной животной жестокостью. В спектакле этот мир возникает и в диалогах Брика с отцом — Большим Па (Н. Волошин) и кокрратно предстает в образах брата Брика Гупера (арт. Г. Писарева) и его жены Мэй (арт. М. Юркова).

Есть еще персонаж из этого мира — Маргарет, жена Брика. Играет ее С. Семенова. Маргарет — женщина, не отягощенная моралью и излишней застенчивостью, закаленная перипетиями жизни, «кошкая», готовая выцарапать «нобольшой» клочок земли в 28 тысяч акров. Именно с Маргарет, с ее попытки вмешаться и по-своему организовать жизнь Брика, начинается его крах. Но вместе с тем только она одна до конца понимает Брика. И через ее любовь, возможно, дана надежда Брику на спасение. Сложная структура роли определила текучесть формы, нечеткую фиксацию душевных состояний героини. Улыбка мгновенно возникает и гаснет на ее лице. Стремительны переходы от иронии к грубому

цинизму, истерические рыдания перемежаются властной бесцеремонностью.

В театре богатый мастерами актерский состав. Каждый спектакль давал возможность «услышать» что-то «соло»: драматическую экспрессию, энергию мысли Н. Волошина в ролях Большого Па («Кошка на раскаленной крыше»), Булки («Закон вечности»); мир высокой духовности, интеллигентности и мягкости В. Вихрова — Бачаны Рамишвили («Закон вечности»); обаяние, располагающую к себе душевную открытость, тепло Р. Ватуриной — Большой Ма, Бабетты, Красавиной («Кошка на раскаленной крыше», «Клерон», «Похождения Бальзамина»); подлинно мастерское многообразие характеров, созданных С. Семеновой; правдивые, типичные образы, данные нам А. Алашеевым, Г. Демуровым, И. Поляковым, С. Ожигиным. Наряду с этими мастерами, игре которых присущи «кирпунный», выразительный драматизм, стремление к точной, академической, завершенной и выверенной форме, интересно показали себя и некоторые молодые актеры. Видно, работая в Горьковском театре рядом с признанными мастерами, нельзя пребывать на среднем уровне.

Стоит отметить в этом смысле актеров А. Фирстова, сыгравшего знаменитого героя Островского — Мишу Бальзамина, Е. Арефова — молодого Бачану Рамишвили в «Законе вечности», Н. Романова — Прова в «Гнезде глухаря», Т. Кириллову — Катерину и Амалию в «Укрощении строптивой» и «Клерон», и, наконец, их коллективное участие в спектакле «Укрощение строптивой».

Думается, что именно актеры — всех поколений — приводят в согласие разные режиссерские искания, делают их существование равно возможным, рождая ту уверенную гармонию театра, которую можно было наблюдать во время последних дней Краснодарского гастрольного лета.

Н. ИШКИНА.
Фото Б. Жижкилина.